

УДК 94(438).081:94(430).086

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/8

Ещё раз к вопросу о секретном польско-германском договоре от 25 февраля 1934 г.

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: morozov_s@bsuedu.ru

Авторское резюме

Рассматривается документ с текстом секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г., опубликованный в начале апреля 1935 г. в парижском еженедельнике «Экутэ-муа» и рассекреченный недавно Российским государственным военным архивом. В отличие от аналогичного текста, опубликованного в газетах «Правда» и «Известия», данный текст более широкий и упоминает в преамбуле президентов Польши (И. Мосцицкого) и Германии (П. фон Гинденбурга). Особое внимание уделено анализу польско-германской декларации от 26 января 1934 г., которая, как выяснилось, так же как и секретный договор от 25 февраля, содержала завуалированные намерения совместных действий пилсудчиков и гитлеровцев «для обеспечения мира в Европе», т. е. в восточном направлении или против СССР. Причем основывались они на пакте Бриана–Келлога, являвшимся по сути американской международно-правовой платформой, вмонтированной в правовой механизм «подталкивания» Германии на Восток.

Ключевые слова: архивный текст, секретный польско-германский договор от 25 февраля 1934 г., пакт Липски–Нейрата, пакт Бриана–Келлога, американская международно-правовая платформа

Once again on the secret Polish-German treaty of February 25, 1934

Stanislav V. Morozov

Belgorod State National Research University
Russia, 308015, Belgorod, Pobedy St., 85
E-mail: morozov_s@bsuedu.ru

Abstract

The article examines a document containing the text of the secret Polish-German treaty of February 25, 1934, which was published in early April 1935 in the Parisian journal *Écoute-moi* and recently declassified by the Russian State Military Archive. Unlike the version published in *Pravda* and *Izvestia*, this text is more extensive and includes in its preamble the names of Polish President Ignacy Mościcki and German President Paul von Hindenburg. Special attention is given to the Polish-German Declaration of January 26, 1934, which, like the secret treaty of February 25, contained veiled provisions for joint action by the Piłsudski regime and the Nazis directed eastward—that is, against the USSR.

Keywords: archival text, secret Polish-German treaty of February 25, 1934, Lipski-Neurath Pact, Briand-Kellogg Pact

В системе международных отношений все народы мира, включая русинов, живут в правовом поле, что означает их вовлечённость в систему правовых связей в рамках государств, которые выступают в качестве субъектов международного права. Они подчиняются тем или иным правовым нормам – международным договорам, соглашениям, декларациям и т. д. и т. п., среди которых определённое место занимают и документы, заключённые секретным путём.

Секретные договоры являются, пожалуй, если не составной, то, во всяком случае, неотъемлемой частью дипломатии и часто призваны играть важную роль во взаимосвязях между государствами. Согласно оценке авторитетного справочника по международным отношениям, с 1521 г. по настоящее время между 110 странами и независимыми политическими образованиями было заключено 593 секретных договора [28: 206–207]. Хранят их, в силу важности и значимости, как зеницу ока, скрывая от посторонних глаз, а обнародование тех или иных секретных документов может произойти в виде исключения, например в период радикальных государственных катаклизмов. Так по мандату большевистского руководства во главе с В.И. Лениным

секретарём новоиспечённого НКВД был назначен матрос Н.Г. Маркин, стараниями которого в конце 1917 – начале 1918 г., несмотря на решение заседания послов стран Антанты о невозможности дальнейших сношений с новыми властями России в случае опубликования, всё-таки были опубликованы выисканные им в недрах канцелярий и сейфов секретные дипломатические документы царской России [27].

Однако этот пример – несомненно, исключение из негласных правил, в то время как подавляющая часть секретных договоров не предназначена для опубликования, поскольку является незримой путеводной нитью для заключивших их сторон и залогом успеха реализации намерений последних. Другое дело, если по какой-либо причине происходит утечка потаённого документа, и обнародование секретного договора случается в результате, например, действий третьей стороны, против которой могло быть направлено его содержание, и последняя стремится путём его опубликования, этой реализации во что бы то ни стало избежать. Под вышеперечисленные критерии подпадают обстоятельства с текстом секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г., опубликованного 20 апреля 1935 г. на первых страницах советских газет «Правда» и «Известия» со ссылкой на французскую «Бурбоннэ републикен», разместившую его за 2 дня до этого [10: 20.04.1935; 23: 20.04.1935]. Если не принимать во внимание многочисленных упоминаний в зарубежной прессе того времени факта его обнародования в СССР и за рубежом, например [22: 22.04.1935], то с момента его опубликования объектом отдельного изучения он не становился, хотя газета с упомянутой датой в научном исследовании появлялась [12: 230].

Введение в научный оборот данного документа началось в начале 2000-х гг. и продолжается по настоящее время [16: 35–53; 18: 189–190; 19: 211], включая данное исследование. В результате обобщения как международно-политической ситуации того времени, так и анализа доступных на данный момент фактов и документов со значительной долей убеждённости можно утверждать, что его возникновение могло стать возможным в результате реализации *усилий*, прежде всего, *польской стороны*. После Локарнской конференции, продолжившей в октябре 1925 г. процесс формирования «правового механизма “подталкивания” Германии на Восток», предполагавший среди прочего территориальные уступки со стороны Польши, маршал Ю. Пилсудский, раскусивший потаённый смысл созданной схемы и обладавший достаточным политическим опытом, начал процесс сосредоточения управления внешней политикой Польши в своих руках. Это ему было необходимо по нескольким причинам. Основной среди них было стремление реализовать сформировавшиеся на тот момент

цель и смысл жизни польского вождя – непременно восстановить «былое величие» любимой «Ойчизны» (Родины), т. е. в границах 1772 г., причём (! – С.М.) за счёт раздела СССР. Собственных сил у него было явно недостаточно, а вот в тандеме с Берлином шансы неизмеримо возрастали, и уж тем более если того «подталкивали» на Восток столь могущественные силы, как талассократические банкиры – директор Английского банка М. Норман и директор Федерального резервного банка США Б. Стронг [17: 85].

Произведя государственный переворот в мае 1926 г., он не стал занимать официальных постов, предпочитая оставаться в тени, но бразды правления страной через преданных людей были крепко сосредоточены в его руках. Для реализации столь амбициозных сокровенных замыслов ему были необходимы надёжные люди, одним из которых стал его молодой соратник по Легионам – полковник Юзеф Бек. Подтвердив свою преданность участием в майских событиях, он в период 1926–1930 гг. был введён в должность начальника кабинета Военного министерства, затем в 1930 г. назначен заместителем премьер-министра, а в ноябре 1932 г. занял ключевую с точки зрения реализации планов вождя позицию министра иностранных дел.

Уже через месяц, в декабре, сочтя Францию ненадёжным партнёром, германofil Пилсудский принял решение о переориентации внешней политики на Германию, для чего германofil Бек подходил как нельзя лучше. Но не тут-то было – Берлин, участник Рейнского пакта в иерархии Локарно, находился на более высокой ступени и сближаться с Варшавой ему было не с руки. Молодой канцлер Гитлер также не имел подобных намерений, однако польский вождь обладал на тот момент неотразимым и беспрюирышным аргументом – трёхкратным численным превосходством вооружённых сил, которым он, не откладывая, не преминул воспользоваться.

Противостояние ефрейтора с маршалом могло стать гибельным для первого, т. к. последний в течение всего 1933 г. жёстко и изощёрённо шантажировал своего визави, используя целый набор средств, основным из которых была угроза развязывания превентивной войны. Данная угроза была применена им трижды: весной – в конце апреля, осенью – в середине ноября, и, по утверждению польского историка М. Згурняка, в декабре¹ [15: 166]. Если учесть, что военно-политическое давление каждый раз имело своей кульминацией дипломатическое заявление фактически в виде ультиматума, то Гитлеру ничего не оставалось, как пойти на политический мезальянс – сближение и оформление отношений с жаждавшим поквитаться с Россией (в том числе за участие в разделах Польши второй половины XVIII в.) и возвеличить Польшу Пилсудским. 15 ноября агентство Вольфа опубли-

ковало официальное коммюнике, в котором говорилось, что обмен мнениями выявил «единодушное намерение обоих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путём непосредственных переговоров и в целях укрепления мира в Европе отказаться от применения всякого насилия в отношении друг друга»² [8: 869]. А 26 января 1934 г. глава германского МИД К. фон Нейрат и посланник Ю. Липский заключили «Декларацию о необращении к силе»³, которая почти полностью совпадала с ноябрьским коммюнике [26: 41–42].

Учитывая то обстоятельство, что в предыдущей статье 2005 г. в журнале «Славяноведение» [16] основное внимание автора было сосредоточено на комментарии договора от 25 февраля 1934 г., размещённом на страницах «Правды» и «Известий», а вышеприведённая декларация ранее в исследованиях отдельно не рассматривалась, целесообразно будет на этот раз привести её в полном виде, т. е. опубликованной после ратификации в сеймовом «Дзенике устав Жечипосполиты Польской», и прокомментировать.

«Декларация между Польшей и Германией о необращении к силе, подписана в Берлине 26 января 1934 г.

ОТ ИМЕНИ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, МЫ ИГНАЦИЙ МОСЦИЦКИЙ,
ПРЕЗИДЕНТ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,

Для всех и каждому в отдельности, кому об этом следует знать, подвергаем обнародованию:

Двадцать шестого января тысяча девятьсот тридцать четвёртого года в Берлине между правительством Польской республики и правительством Германского рейха была подписана декларация о необращении к силе дословно следующего содержания:

Польское и Германское правительства полагают, что настало время начать новую фазу польско-германских отношений путём прямых сношений между обоими государствами. Вследствие этого они решили установить в настоящей декларации основу для развития этих отношений.

Оба правительства исходят из того факта, что поддержание и укрепление длительного мира между их странами является существенным условием всеобщего мира в Европе. Вот почему они решили положить в основу их взаимоотношений принципы, содержащиеся в Парижском пакте от 27 августа 1928 г., и желают уточнить его применение, поскольку дело идёт о польско-германских отношениях.

Каждое из правительств в то же время констатирует, что принятые им доселе международные обязательства по отношению к другим, не препятствуют развитию их взаимоотношений, не противоречат настоящей декларации и не затрагиваются настоящей декларацией.

Кроме того, они полагают, что настоящая декларация не относится к вопросам, которые по международному праву должны считаться исключительно внутренним делом каждого из обоих государств.

Оба правительства заявляют о своем намерении сноситься прямо по всякого рода вопросам, касающимся взаимоотношений между ними. В случае возникновения между ними спорных вопросов, которые не могли бы быть урегулированы путем прямых переговоров, оба правительства будут искать их разрешения, в каждом отдельном случае и по обоюдному соглашению, иными мирными средствами, подразумевая, что в случае необходимости это не лишит возможности применения той процедуры, которая предусмотрена для таких случаев в других соглашениях, действующих между обеими сторонами. Тем не менее они ни в коем случае не будут обращаться к силе для разрешения таких спорных вопросов.

Созданная вышеуказанными принципами гарантия мира облегчит обоим правительствам важную задачу нахождения для политических, экономических и культурных вопросов решений, основанных на правильной и справедливой координации их взаимных интересов.

Оба правительства убеждены, что таким образом отношения между их странами будут выгодно развиваться и поведут к укреплению добрососедских отношений, что будет иметь благотворные последствия не только для их обеих стран, но также и для других народов Европы.

Настоящая декларация будет ратифицирована, и обмен ратификационными грамотами произойдет в Варшаве в возможно скором времени. Декларация будет оставаться в силе в течение десятилетнего срока, считая со дня обмена ратификационными документами. В случае, если одно из правительств не денонсирует декларацию с предварительным предупреждением за шесть месяцев до истечения этого срока, она будет продолжать оставаться в силе, но в дальнейшем каждое из правительств будет иметь возможность денонсировать её в любое время с предварительным предупреждением за шесть месяцев.

Учинено в двух экземплярах на польском и немецком языках.

Берлин, 26 января 1934 г.

От Польского правительства: *Юзеф Липский,*

От Германского правительства: *барон К. фон Нейрат*

Ознакомившись с вышеприведенной декларацией мы её признаём и признаём справедливыми как в совокупности, так и каждый её пункт, заявляем, что она принята, ратифицирована и подтверждена, и обещаем, что она будет неуклонно соблюдаться.

В подтверждение чего мы издали данный правовой акт, подтверждённый государственным печатью

Варшава 15 февраля 1934 г.

М.П.

Председатель Совета министров

Министр иностранных дел

И. Мосцицкий

Е. Енджевич

Бек» [32: 124].

Таким образом, 15 февраля «Декларация о необращении к силе» была подписана президентом И. Мосцицким, а 24 февраля последовало правительственное заявление за подписью Бека об обмене ратификационными документами [32: 125]. Рассмотрим саму декларацию.

Что и говорить, «документик», используя лексику В.И. Ленина, «презанятнейший», хотя в силу его блеклого, на первый взгляд, вида и содержания он не становился объектом изучения ни в советской, ни в современной российской историографии, являлся своеобразным ключиком к появлению последующего детища польского вождя – польско-германского договора от 25 февраля 1934 г. В первом же абзаце обе стороны, считавшие друг друга в течение более шести веков непримиримыми врагами, вдруг во всеуслышание заявляли о начале новой фазы двусторонних отношений путем *прямых сношений* между собой, для чего в данной декларации должна была быть сформирована ни более ни менее как *основа* для развития этих отношений. Шестьсот лет ничего, кроме вражды и битвы не на жизнь, а на смерть не было, и вдруг наступает новая эра прямых сношений, с чего бы это? Что только в нашей жизни не случается! Будем следовать далее, хотя уже можно понять, что следует пытаться улавливать какие-то тайные, сверхтонкие флюиды.

В данную основу входило условие поддержания и укрепления длительного мира между Варшавой и Берлином как существенного условия всеобщего мира в Европе. Для этого основу польско-германских отношений должны были составить принципы из Парижского пакта 27 августа 1928 г., для чего предполагалось его применение в рамках польско-германских отношений. Таким образом, объединившиеся «заключенные друзья», озабоченные поддержанием и укреплением длительного мира между собой, выставляют это обстоятельство как весомое условие всеобщего мира и где бы вы думали? – в Европе. А за пределы Европы их миротворческие взоры разве не распространяются? Ещё более странно выглядит их стремление использовать для своих миротворческих инициатив шестилетней давности франко-американский и К^о пакт Бриана–Келлога.

Далее новоявленные «заключенные друзья» заявляют, что ранее принятые ими обязательства по отношению к другим странам им отныне не указ. Похоже, намечается прелюбопытнейший сюжет. Ещё более увлекательная картина вырисовывается касательно, на первый взгляд,

обыденного момента – декларация к их внутренним делам никак не относится. Таким образом «закадычные дружки» рука об руку будут решать исключительно *совместные* внешнеполитические проекты.

Поскольку в Европе они намеревались сохранять мир, то их совместные внешнеполитические интересы, возможно менее миролюбивого наполнения, могли быть сосредоточены в противоположном от неё направлении, то есть на Востоке. Для этого они обзавелись намерением сноситься прямо по вопросам возможного взаимодействия между собой в восточном направлении – трогательнейшее единение для решения совместных задач на Востоке. Допуская возникновение спорных вопросов, не поддающихся под урегулирование прямых переговоров, оба правительства снабжались возможностью применения процедуры, предусмотренной для таких случаев в *других* соглашениях, действующих между обеими сторонами, не обращаясь к силе.

Похоже, что основные принципы сотрудничества на восточном направлении новоявленных «заклятых друзей» были уже сформированы и оставалось подвести своеобразный итог в случае его удачного завершения. Удивлённой и умиротворённой Европе предстояло вскоре узреть плоды усилий inferнального тандема в реализации вышеуказанных принципов гарантии мира за её пределами, т. е. на Востоке. По-видимому, вновь созданная новоиспечёнными партнёрами геополитическая реальность должна была облегчить обоим правительствам важную задачу нахождения для политических, экономических и культурных вопросов решений, основанных на правильной и справедливой координации их взаимных интересов. Подтверждением данного предположения является следующий абзац, свидетельствующий об убеждённости обоих правительств в дальнейшем выгодном развитии и укреплении добрососедских отношений, что будет иметь, в свою очередь, благоприятные последствия как для них самих, так и для застывших в немом восторге народов Европы.

Заключительный абзац регулировал технические моменты декларации, касающиеся срока ратификации и места обмена ратификационными документами, десятилетнего срока её действия, условий продления и денонсации, предусматривавших шесть месяцев для предупреждения о первом или второй.

Таким образом, вышеприведённый международно-правовой документ, заключённый в результате беспощадного шантажа маршала Ю. Пилсудского в отношении более молодого и на тот момент «бездомного» апатрида-ефрейтора германского канцлера А. Гитлера, под миролюбивой внешней оболочкой заключал в себе фундамент гря-

дущего тайного военного союза «санационной» Варшавы и нацистского Берлина, направленного на Восток, т. е. против СССР. Учитывая тот факт, что этот сомнительный постшляхетский тандем зародился на берегах Вислы, а не Шпрее, его можно рассматривать в качестве блестящего образчика иезуитского ума западнославянского разлива.

Своеобразным индикатором справедливости данного вывода-предположения мог бы стать более пристальный взгляд на заявленную основу декларации – пакт Бриана–Келлога. Работа над ним началась 6 апреля 1927 г. вследствие инициативы главы Кэ д’Орсе Аристиды Бриана в отношении США заключить двусторонний договор «о вечной дружбе, запрещающий обращение к войне как к средству национальной политики». Ответ последовал лишь 28 декабря от госсекретаря США Фрэнка Биллингса Келлога с предложением заключить договор о «вечной дружбе» не с одной лишь Францией, а «достигнуть присоединения всех главных держав к пакту, посредством которого эти державы отказались бы от войны как орудия национальной политики» [3].

Многосторонний документ ослаблял значение ранее заключенных Францией международных договоров, равно как и наносил ущерб французской системе союзов. Не говоря уже об ударе по престижу Лиги наций. Ей противопоставлялось бы новое объединение европейских государств, подписавших пакт. Французская сторона предложила американцам заложить в договор такие формулировки, которые означали бы отказ не от войны вообще, а лишь от всякой наступательной войны. Новый пакт не должен был упразднить заключенных ранее союзов и аннулировать обязательства, содержащиеся в Уставе Лиги наций, в Локарнских соглашениях и прочих международных актах.

13 апреля 1928 г. Келлог официально представил проект документа, в котором осуждалась война, но не оговаривались никакие санкции против её поджигателей. Проект договора, в том числе и первоначальный, был направлен министрам иностранных дел Великобритании, Германии, Италии и Японии, а также европейским союзникам Франции и в британские доминионы. 27 апреля Германия первой откликнулась и высказалась в пользу американского проекта, и как результат 27 августа 1928 г. «Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики» был подписан. Местом хранения ратификационных документов был определён Вашингтон, т. е. он действовал вне Лиги наций, где доминировало британское влияние, и по ныне сей документ остаётся в силе [7: 503–506].

Это – то, что находится снаружи, а что же могло быть сокрыто внутри? Как выяснится позже, идея двустороннего миролюбивого пакта была предложена Бриану американским историком, профессором

Джеймсом Томсоном Шотвеллом, но в результате настойчивых усилий Госдепа она превратилась постепенно в многостороннее соглашение⁴. Поскольку США не подписали итоговые документы Парижской мирной конференции, Вашингтонская конференция не в полной мере учла их интересы в Европе, а к созданию Локарнских документов, продолживших формирование правового механизма “подталкивания” Германии на Восток, они хоть и имели косвенное отношение, но в них не присутствовали, то подобного формата документ им был крайне необходим. Во-первых, они под благовидным предлогом формировали параллельно с британской собственную, т. е. американскую, политико-правовую платформу для осуществления своих проектов в Европе. Во-вторых, данная юридическая база позволяла по мере возможностей проводить свою линию и находить международную поддержку для собственных проектов вне рамок Лиги наций. В-третьих, она создавала для США возможность не только оказывать определенное влияние на европейские дела, но и проводить более активную внешнюю политику [38: 377–390].

Таким образом, пакт Бриана-Келлога был положен в основу январской декларации Липски–Нейрата неспроста. Поскольку «правовой механизм “подталкивания” Германии на Восток» был создан на базе британской платформы и предполагал в ходе его реализации отторжение части государственной территории возможно за счёт «польского коридора» в пользу Германии, то альтернативная американская платформа позволяла в перспективе создать международно-правовую базу для воплощения в жизнь честолюбивых планов польского вождя – двинуться со свежеспечённым «дружбаном-ефрейтором» на Восток, но без репутационных и территориальных потерь.

В пользу того факта, что декларация 26 января 1934 г. заложила международно-правовую основу для скрытого польско-германского военного союза, свидетельствует среди прочего отсутствие предоставления гарантий польско-германской границы, что допускало возможность пересмотра территориального статус-кво как обеих сторон, так третьих государств. В отличие от советско-польского договора о ненападении от 25 июля 1932 г. (заключённого всего лишь на 3 года), равно как и принятой дипломатической практики, польско-германская декларация не содержала статьи о прекращении её действия в случае вступления одной из сторон в вооружённый конфликт с третьей страной, что при определённых условиях могло придать ей характер наступательного союза. 21 февраля ТАСС обратило внимание на оценку польско-германской декларации в газете «Работник», размещённую бывшим польским дипломатом

Б. Эльмером, рассматривавшим её не как пакт о ненападении, а как пакт соглашения [16: 35; 30: 106–108].

Итак, правовая основа для дальнейшего совместного продвижения «закадычно-заклятого» тандема на Восток из обречённой на мир Европы была создана в рамках американской международно-правовой платформы. Но это был лишь первый шаг – намерения, если, конечно, таковые имелись, предстояло теперь продвинуть с целью дальнейшей реализации. Не обиделась ли Британия? Нет, не обиделась. Глава Форин-офис Д. Саймон 29 января 1934 г. поздравил польского посла в Лондоне К. Скирмунта и заочно Бека от имени английского правительства и высоко оценил политику, приведшую к подписанию декларации 26 января 1934 г. Он сообщил, что передал такие же поздравления Гитлеру [1: Оп. 1. Д. 80. К. 61–64; 16: 40].

А что же изощрённый западнославянский иезуитский ум? Он не дремал и продвигался как минимум по двум направлениям. Министр Бек, не обращая внимания на злопыхателей, в частности на французскую прессу, трубившую налево и направо о заключенном параллельно с декларацией «секретном польско-германском соглашении»⁵, взял да и нанёс 13–15 февраля визит в Москву. Беседуя с главой НКВД СССР М.М. Литвиновым, польский министр в связи с отсутствием в тексте декларации статьи о прекращении действия соглашения в случае агрессии Германии со смехом заметил, что ему приписывают секретное соглашение с Берлином, но даже и не подумал опровергнуть эти утверждения. А на шутовское замечание Литвинова о том, что Польша заключила с СССР пакт на 3 года, а с Германией – на 10 лет, слегка замешкавшись, обратил внимание, что это можно исправить. На завершившем визит банкете Бек никак не отреагировал на тост-предложение Литвинова присоединиться к платформе миролюбивых сил [9: 134].

После возвращения Бека в Польшу обозначилось второе направление. Накануне ратификации пакта Липски–Нейрата, в начале третьей декады февраля 1934 г. председатель иностранной комиссии сейма сенатор Януш Радзивилл озвучил единомышленникам из консервативной краковской газеты *Czas*, что «на пользу Польше пошло изменение обстановки в Германии и угроза СССР со стороны Японии». В особенности обращало на себя внимание следующее его высказывание: «Нам помогло то обстоятельство, что наш великий восточный сосед, столь грозный для нас несколько лет тому назад, все более запутывается в дальневосточной политике, *результаты которой сегодня трудно предвидеть!* (курсив мой. – С.М.)». 22 февраля 1934 г. Радзивилл прибыл в Вильно, где встретился с политическим активом из числа местной администрации и польской аристократии

и обрисовал новые политические перспективы на Востоке в связи с ратификацией «пакта Липски–Нейрат» [20]. 24 февраля, как отмечалось выше, произошёл обмен ратификационными грамотами, а уже 25 февраля, если верить «Правде» и «Известиям» от 20 апреля 1935 г. в купе с «Бурбоннэ републикен», был подписан польско-германский секретный договор – объект нашего исследования. В целом алгоритм действий был выбран весьма ловко – во время встреч с наркомом Литвиновым, имевших место, как мы помним, 13–15 февраля, министр Бек мог смело смотреть тому в глаза, так как секретный договор ещё не был подписан.

Далее совершим краткий обзор наиболее значимых политических сил, действовавших тогда на международной арене, о которых шла речь в предыдущей статье, опубликованной в 2005 г. в журнале «Славяноведение» и перейти непосредственно к предмету нашего исследования. Мнение автора сводилось к тому, что появление данного документа могло осуществиться в результате политического развития событий в рамках *британской международно-правовой платформы* и действовавшего в её рамках «правового механизма “подталкивания” Германии» на Восток [16].

Внешняя политика не только Польши, но и Германии в межвоенный период всё ещё зависела от великих держав, прежде всего Великобритании, которая в результате создания Версальско-Локарнской системы лишь упрочила свои позиции на международной арене. Первейшей задачей британских правящих кругов было сохранение источников благосостояния, находящихся на бескрайних просторах Британской империи. К 1930 г. в европейских странах было сосредоточено лишь 8 % британских заграничных инвестиций, в то время как в империи таковых было размещено 59 % [16: 38; 41: 5], и их защита была первейшей задачей британского политического руководства. Основную угрозу для них излучали Германия и Япония, правящие круги которых были одержимы идеей захвата колоний. Поэтому вполне понятной и естественной задачей для британских стратегов становилась переориентация захватнических устремлений Берлина и Токио таким образом, чтобы они реализовались не за счёт империи.

Наиболее предпочтительные шансы стать объектом их захватнической политики были у СССР, находившегося вне пределов Версальско-Локарнской системы. С объективной точки зрения переориентация в Европе германской экспансии в восточном, т. е. советском, направлении стала одной из приоритетных задач Лондона. Такая перспектива всё более открыто обсуждалась в среде британской элиты – в Сити, в аристократических клубах, на загородных обедах в Клайвдене – ре-

зиденции владельцев газеты Times Асторов, которых навещал среди прочих и глава Форин-офис Д. Саймон [16: 39; 29: 41].

Об этом же толковал в узком кругу приближённых и президент США Франклин Делано Рузвельт. Министр внутренних дел США Гарольд Икес в 1935 г. записал: «По информации президента, существует взаимопонимание между Германией и Японией, которое ведет к совместной игре против России. Великобритания, всегда беспокоящаяся за сохранность империи, с неприязнью усматривает угрозу, таящуюся в этой комбинации для британских колоний, особенно в Азии, и поэтому решила прийти к какому-либо взаимопониманию с Гитлером» [16: 39; 37: 494]. Таким образом, британские правящие круги, заботясь о защите своих интересов в колониях, не могли в то же время не уделять серьёзного внимания континентальной, и не в последнюю очередь Восточной, Европе. Взаимозависимость колониальной и европейской политики Лондона получила еще в начале XX в. своё идейно-теоретическое обоснование в работах английского «классика геополитики» Хэлфорда Маккиндера [16: 39; 39: 55–58, 77–78, 83; 40]. Именно с этой целью и был создан «правовой механизм “подталкивания” Германии на Восток».

Маршал, адекватно сориентировавшийся сразу после Локарно и фактически узурпировавший власть в Польше, сам оставаясь в тени, расставив своих людей на ключевые государственные посты и полковника Бека – на пост главы МИДа, заставил путём шантажа германского канцлера Гитлера оформить 26 января 1934 г. наступательный тандем под внешне миролюбивой вывеской «Декларация о необращении к силе». Дорога на Восток вновь открытым друзьям-партнёрам была фактически открыта, закулисные британские режиссёры в лице главы МИДа Д. Саймона, поздравившего 29 января посла К. Скирмунта, стало быть, не возражали против навязавшего себя вновь открытого партнёра. Теперь предстояло под хитромудрой вывеской соорудить не менее затейливый *правовой механизм* для предстоящего взаимодействия, что, судя по всему, и было осуществлено 25 февраля 1934 г.

В статье, опубликованной в журнале «Славяноведение», был подробно рассмотрен процесс создания алгоритмов неофициального взаимодействия британских правящих кругов с гитлеровской Германией на пути подталкивания её на Восток. Они включали визит А. Розенберга в Лондон и его встречу с главой Форин-офис Джоном Саймоном в мае 1933 г., утечку информации в прессу, организованную через секретаря германского посольства в Лондоне О. Бисмарка, о достижении взаимопонимания между ними; о посещении Германии летом того же года секретарём кабинета министров и комитета им-

перской обороны, «человеком-секретом» Морисом Хэнки и предоставлении им правительству «Заметок о внешней политике Гитлера в теории и на практике», в которых сообщалось, что восточные планы фюрера в значительной степени соответствовали внешнеполитическим предпочтениям британских правящих кругов – Гитлер получал «жизненное пространство» на Востоке, отказавшись в то же время от претензий на имперскую собственность Великобритании; об установлении неофициального канала связи по линии британской разведки бароном Вильямом де Роппом, который с определенной регулярностью навещал нацистских чиновников, в частности А. Розенберга, и координировал взаимообмен информацией о нюансах германской внешней политики с учётом обоюдных интересов. Этот так называемый второй канал исправно функционировал до осени 1939 г., т. е. вплоть до начала Второй мировой войны. Англо-германские контакты не нарушали устоявшейся в европейской политике иерархии и не выходили за рамки Версальско-Локарнской системы, что наиболее ярко проявилось в проекте «пакта четырех»⁶ [16: 39–40].

Поскольку польский вождь был всецело одержим идеей предстоящего раздела СССР и в его восточных планах присутствовало японское направление (о чём не забывали информировать свои правительства западные дипломаты⁷), то наряду с германским был также добросовестно изучен процесс создания алгоритмов неофициального взаимодействия с правящими кругами Японии. Начало его можно было отнести к неудачной поездке Пилсудского летом 1904 г. в Токио с предложением ведения террористической антироссийской деятельности. Зато 8 июля 1934 г. принц Кайо привёз ему личное послание от бывшего военного министра Садао Араки, в котором тот сообщал о намерении напасть на Советский Союз, используя в качестве повода КВЖД, но жаловался на слабость японской авиации, из-за чего войну приходилось отложить, по крайней мере, до марта-апреля 1935 г. Несмотря на это, Араки предлагал: «Если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации» [16: 42; 24: 81]. Следует обратить внимание на тот факт, что для самурайского кодекса чести данное слово трактовалось выше письменного договора, что и привело к активизации планов польского вождя наряду с тайным германским, *тайного японского направления* деятельности.

В период с 1934 г. до весны 1935 г. в Варшаве втайне действовали совместные польско-германская, во главе с генералом К. Фабрыцы,

и польско-японская, во главе с начальником Главного штаба Войска Польского генералом Я. Гонсиоровским, военные комиссии. Их деятельность была всецело посвящена вопросам предстоящего взаимодействия. С германской стороны комиссию возглавлял генерал В. Райхенау, а с японской стороны – генерал Т. Нагата [13; 14]. Для обсуждения военных аспектов сотрудничества предусматривалось провести в октябре 1934 г. в Берлине переговоры, куда бы прибыла японская военная миссия во главе с Нагатой и Гонсиоровским [24: 81].

18 октября 1934 г. И.В. Сталин получил информацию о внешней политике Польши, из содержания которой следовало, что мнение о возможности войны между Японией и Советским Союзом прочно утвердилось в официальных кругах Варшавы. Именно с расчётом на неё польское правительство планировало свой внешнеполитический курс, намереваясь договориться с Германией. Между Пилсудским и Гитлером обозначилось сближение по таким вопросам, как поддержка аншлюса Австрии, присоединение части территории Чехословакии под предлогом объединения немцев, и главное – на основе враждебного отношения к СССР. Японская дипломатия неустанно поддерживала убеждённость Варшавы в неизбежности советско-японского вооружённого конфликта. Советская разведка также сообщала: «В настоящий момент между Польшей и Германией в Берлине ведутся переговоры о совместных действиях в Европе на случай осложнения на Дальнем Востоке» [16: 43; 24: 111–117].

К осени 1934 г. польско-японское военно-техническое сотрудничество шло уже полным ходом. Советник полпредства СССР в Варшаве Б. Подольский сообщал 11 ноября замнаркома Б.С. Стомонякову, что японский генштаб осуществляет широкое наблюдение за СССР из Прибалтики и Польши, а «польская военная и металлургическая промышленность имеет японские заказы». Во многом благодаря активности польского торгового атташе в Токио Травинского Япония разместила в Польше заказ на изготовление 100 тыс. винтовок, а также приобрела у неё лицензию на истребитель П–7. Её предприятия выполняли военные заказы на стальной прокат, бронеплиты, трубы и турбины [9: 828–829; 16: 44].

Реализация взаимных с Польшей планов военным путём на Востоке предполагала потребление значительных объемов нефтепродуктов, а у Германии, как известно, с этим было непросто, но при наличии доброжелательных заинтересованных лиц вопрос создания стратегического нефтяного резерва был решён. Американский консул в Гамбурге Эрхардт докладывал в Берлин послу В. Додду, что в июле 1934 г. рейхсминистерство экономики представило международным концернам («Шелл», «Англо-першн», «Стандард

ойл») план, по которому в Германию предполагалось ввезти 1 млн т нефтепродуктов в кредит на сумму около 250 млн долл. Цель данного приобретения не была тайной для американского дипломата. С исключительно профессиональной проницательностью он объяснил создание этого «национального резерва – на крайний случай или, говоря другими словами, на случай войны». Поставку предусмотренного соглашением контингента предполагалось осуществить в течение четырёх месяцев после оплаты, для чего 1 ноября 1934 г. в Берлине было подписано англо-германское соглашение. В период с ноября 1934 г. по апрель 1935 г., согласно обязательствам нефтяных компаний, нефть была поставлена, и у рейха появился столь желанный стратегический запас. Это позволяло гитлеровцам закупать вооружение и существенно активизировать подготовку к войне [16: 44; 35: 323–325].

К середине февраля 1935 г. многие информированные наблюдатели настолько были уверены в том, что Гитлер с Пилсудским готовят войну против СССР, что не стеснялись говорить об этом польским дипломатам. В частности, этой возможностью воспользовалась 16 февраля 1935 г. известная французская журналистка Ж. Табуи в беседе с пресс-референтом польского посольства в Париже А. Узнанским, по мнению которого оценки, высказанные ею, отличались необыкновенной откровенностью. Табуи подчеркнула, что после январской декларации 1934 г. компетентные французские политические круги полностью перестали считаться с возможностью существенного улучшения взаимоотношений Франции и Польши, причём этой же оценки придерживались и широкие круги общественности [1: Оп. 1. Д. 79. К. 82; 16: 45].

Одной из причин этих изменений Табуи считала некое тайное польско-германское соглашение, которое якобы было заключено в дополнение к декларации 26 января 1934 г., а также противодействие со стороны польского МИД «во всех сферах французской политики». Французская журналистка также говорила о слухах, курсировавших во французском правительстве, о возможном совместном польско-германском нападении на Советский Союз [1: Оп. 1. Д. 79. К. 83–85; 16: 45].

Одновременно продолжала усиливаться напряжённость в отношениях СССР и Японии. К концу марта 1935 г. в Москве посчитали необходимым предпринять шаги, направленные на устранение возможного предлога, который можно было бы использовать для развязывания советско-японского конфликта. 23 марта 1935 г. было подписано соглашение о выкупе японским правительством Китайско-Восточной железной дороги [11: 590; 16: 46].

К апрелю 1935 г. совместное польско-германское взаимодействие в области «восточных планов» настолько стало заметным, что о нём информировали свои руководства европейские дипломаты. В частности, австрийский посланник в Праге Марек направил главе своего МИД доклад «Положение и развитие гитлеровской системы (к концу марта 1935)». Этот доклад был подготовлен на основе данных, полученных Марекком через посредника от доктора Отто Штрассера. Со ссылкой на утверждения Геринга и Розенберга в нём отмечалось «стремление Польши при активном участии Японии, при посильном участии Германии отделить от России Украину; осуществление этой акции обусловит сотрудничество между Польшей и Венгрией против Закарпатской Украины, при благосклонной подстраховке со стороны Германии. Польша заявила, что при взаимном исполнении обязательств она согласна с возвращением Данцига и полосы сочленения с Восточной Пруссией» [16: 46; 21: 46–49].

Постепенно приближалось время подводить итоги: совместными, в том числе польско-германскими, усилиями проект Восточного пакта был похоронен; после возвращения из Варшавы генерала Харута и закупки лицензии у Польши на производство истребителя П-7 в Японии полным ходом шла реорганизация ВВС; на Дальнем Востоке участились провокации на советской границе; Берлин запасал впрок долгожданный «национальный резерв» нефти. Теперь можно было переходить к непосредственному военному взаимодействию.

Газета L'Echo de Paris воспроизвела 7 апреля 1935 г. сообщение базельской газеты National Zeitung, согласно которому 25 офицеров рейхсвера отправились в Варшаву в качестве военных инструкторов польской армии [5: 8. IV. 1935; 16: 47]. Ожидалось также прибытие в Берлин 70 японских офицеров для координации деятельности с германским командованием [6: 324; 16: 47]. Проблемы координации по вопросам военного сотрудничества начинали приобретать актуальность, так как вторжение Японии в Россию с востока предполагалось, по некоторым данным, в течение второй половины 1935 г.⁸

Одновременно Гитлер в течение февраля–апреля 1935 г. начал тонкую игру по созданию польско-германского «воздушного пакта». На свой лад интерпретировав лондонское соглашение от 1 февраля 1935 г.⁹, фюрер на обеде, проходившем 12 февраля у папского нунция Цезаря Орсениго, предложил польскому послу Липскому присоединиться к «воздушному пакту» [16: 48; 30: 234; 42: 162]. В Варшаве эту идею восприняли с интересом. 21 февраля польский посол передал Нейрату «высокую оценку» Беком «искреннего предложения канцлера рейха».

25 апреля 1935 г. проект создания польско-германского «воздушного пакта» вышел на качественно новый этап. В этот день Липский встретился с новоиспечённым командующим нацистским люфтваффе Г. Герингом в его охотничьей резиденции Шорфхейде. «Железный» Герман в свойственной ему манере сразу взял быка за рога и заявил польскому дипломату, что фюрер поручил ему осуществление *специальной* опеки над польско-германскими отношениями независимо от обычных дипломатических контактов. Заметив, что эта новость слегка ошеломила гостя, хозяин любезно пояснил, что речь вовсе не идёт о недоверии Гитлера к Нейрату, а просто чиновники германского МИДа «не слишком корректно проводят линию канцлера в отношении Польши». Затем он подчеркнул, что проводимая политика «продиктована отнюдь не тактическими соображениями, а следует из *очень глубокой* (курсив мой. – С.М.) трактовки этой проблемы. На этом направлении канцлер не допустит каких-либо вывертов». Геринг упомянул об «опасности, грозящей Польше и Германии со стороны СССР», и заметил, что в связи с ней проблемы «коридора» в польско-германских отношениях вовсе не существует. В заключение разговора собеседники согласились, что нынешний уровень проблем двусторонних отношений предполагает их обсуждение между Гитлером и Беком, а факт визита польского министра иностранных дел в Берлин следует предать широкой огласке [16: 48; 30: 234; 42: 162].

Через неделю, 3 мая, Нейрат, выслушав пояснения Липского касательно двузначной позиции Польши в Женеве, заметил, что фюрер буквально несколько часов назад вспоминал «о необходимости поддерживать дружбу с Польшей», после чего дипломаты перешли к обсуждению деталей предстоящего визита в Берлин польского министра иностранных дел. Завершив беседу, Липский почти сразу же поспешил в Шорфхейде, чтобы от имени Бека выразить Герингу удовлетворение в связи с его новым статусом опекуна над польско-германскими отношениями, а также сообщить о согласии главы польского МИДа нанести визит Гитлеру [16: 48; 30: 510–514; 42: 186].

Польские чиновники во дворце Брюля¹⁰, сердцем чувявшие тонкости замыслов своего руководства, имели возможность предвкушать – заключение польско-германского «воздушного пакта» можно было считать вопросом времени. Не сегодня так завтра Варшава окончательно договорится с Берлином, и тогда содержавшееся в сентябрьском 1933 г. докладе экс-министра иностранных дел князя Э. Сапеги утверждение о готовности «режима санации» к совместному польско-европейскому хозяйственному освоению Сибири [10: 6.09.1933; 12: 122–123] может воплотиться в жизнь. Фигура бли-

жайшего гитлеровского сподвижника, премьер-министра Пруссии и по совместительству командующего люфтваффе Геринга была столь внушительна и могуча, что вряд ли у кого-то могли возникнуть сомнения относительно успешного завершения возглавляемого им предприятия.

В этом месте в предыдущей статье в «Славяноведении», посвященной данной проблеме, следовал риторический вопрос касательно отнюдь не фантастического характера документа, опубликованного на первых страницах центральных советских газет. Однако на сегодняшний день в результате процесса рассекречивания российских архивов на свет появился документ, которому, собственно, и посвящено данное исследование, как оказалось предшествовавший публикациям и в советской прессе, и в «Бурбоннэ републикен». Речь идёт о письме французского МИДа председателю Комиссии по иностранным делам Сената Франции А. Беранже с приложением текста польско-германского договора от 25 февраля 1934 г., но в более полном виде.

Письмо от 4 апреля 1935 г., подписанное чиновником с Кэ д'Орсэ с неразборчивой подписью, стало реакцией на информацию от вышеупомянутого председателя Беранже о публикации данного договора в парижском еженедельнике «Экуте-муа». В нём содержание договора ставилось под сомнение и фактически дезавуировалось ввиду того, что часть его статей противоречила духу заявлений маршала Пилсудского, беспокоившегося о проведении независимой внешнеполитической линии Польши. В особом противоречии с ним, по мнению автора письма, находились статьи 2 и 6, устанавливавшие бы «подлинный протекторат Германии над Польшей». Пожалуй, следует ознакомиться с текстом самого письма.

«Письмо МИД Франции председателю Комиссии по иностранным делам Сената Франции А. Беранже о публикации парижским еженедельником «Экуте-муа» секретного германо-польского договора от 25 февраля 1934 г. (с приложением текста договора)

Париж

4 апреля 1935 г.

Господин председатель,

Вы любезно сообщили мне о публикации парижским еженедельником «Экуте-муа» текста так называемого секретного договора между Германией и Польшей.

Имею честь довести до Вашего сведения, что нет никакой информации, поступившей для ознакомления в мой департамент, которая позволяет придать какое-либо значение документу, воспроизведённому вышеназванной газетой.

Необходимо отметить, в частности, что содержание статей 2, 5 и 6 находится в таком полном противоречии с постоянным беспокойством маршала Пилсудского по сохранению свободы действий и решений своей страны, что представляется невозможным допустить, чтобы польское правительство подписалось под подобными статьями. В самом деле, конечно, такие положения как те, что фигурируют в статьях 2 и 6, повлекли бы подлинный протекторат Германии над Польшей.

Примите, господин председатель, уверения в моем высочайшем почтении.

[подпись неразборчива]

Приложение

Германо-польский договор от 25 февраля [1934] г.

Президент Польской республики и

Президент Германской империи

Заинтересованные, прежде всего, в укреплении мира для свободного развития их государств;

ссылаясь на декларацию польского и германского правительств от 26 января 1932¹¹ г., исполненные уважения к правам каждого государства, но также верные принципу, позволяющему народам распоряжаться самими собой;

принимая во внимание события, разворачивающиеся в настоящее время в мире, и обязанность не допустить, чтобы эти события нарушили всеобщий мир и преимущественно мирное развитие их отношений;

убежденные в том, что такие угрозы могут быть устранены только в результате взаимопомощи между их государствами, полные решимости заключить договор, который будет гарантировать укрепление их взаимоотношений, назначили полномочных представителей, а именно:

президент Польской республики – посла¹² Польши в Берлине,

президент Германской империи – министра иностранных дел рейха,

которые, после обмена своими неограниченными полномочиями, представленными в правильной и надлежащей форме, составили и подписали следующие статьи:

Статья 1

Высокие договаривающиеся стороны обязуются договариваться по всем вопросам, могущим повлечь за собой для одной и для другой международные обязательства, и постоянно проводить в жизнь политику эффективного сотрудничества.

Статья 2

Польша обязуется во внешних отношениях принимать решения только в соответствии с мнением германского правительства и защищать в любом случае интересы этого правительства.

Статья 3

В случае возникновения международного события, угрожающего статус-кво, высокие договаривающиеся стороны обязуются общаться между собой, чтобы договариваться о мерах, которые они могли бы считать полезными для принятия.

Статья 4

Высокие договаривающиеся стороны обязуются объединить СВОИ ВОЕННЫЕ, экономические и финансовые УСИЛИЯ¹³ для отражения любой неспровоцированной агрессии и поддерживать друг друга в случае, если одна из них подвергнется нападению.

Статья 5

Польское правительство обязуется обеспечить свободный проход по своей территории германским войскам в случае, если эти войска будут призваны ответить на провокацию, исходящую с Востока или Северо-Востока.

Статья 6

Правительство Германии обязуется гарантировать всеми силами и средствами, которыми оно располагает, неприкосновенность польских границ от любого агрессора.

Статья 7

Высокие договаривающиеся стороны обязуются принять меры экономического характера, могущие представлять общий и частный интерес, меры, способные усилить эффективность их совместных оборонительных мероприятий.

Статья 8

Настоящий договор будет действовать на протяжении двух лет, начиная со дня, когда произойдет обмен ратификационными документами. Он будет рассматриваться возобновлённым на такой же срок в случае, если ни одно из двух правительств не расторгнет его, предупредив за шесть месяцев до истечения этого периода. Впоследствии каждое правительство будет иметь право расторгнуть его, заявив об этом за шесть месяцев до истечения двухлетнего периода.

Составлен в двух экземплярах, один на польском языке, второй на немецком языке.

Берлин, 25 февраля 1934 г.»¹⁴ [25: 2–5].

В целом содержание статей из секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г. в «Экуте-муа» совпадало с опубли-

кованным в центральной советской прессе 20 апреля 1935 г. за исключением преамбулы, где указаны президенты Польши и Германии, а также их доверенные лица – посланник Ю. Липский и министр К. фон Нейрат. Это и было творение иезуитского ума западнославянского разлива, расчётливо подписанное на следующий день после ратификации декларации от 26 января 1934 г. доверенными лицами президентов И. Мосцицкого и П. фон Гинденбурга. Учитывая высшую степень секретности данного документа, его ратификация прошла в какой-нибудь особо замысловато-замаскированной форме, либо без неё и вовсе обошлись, а имел место обмен личными письмами между польским и германским вождями, о чём упомянул 20 апреля 1934 г. в беседе с французским послом Ш. Альфаном нарком М.М. Литвинов [9: 278].

Что касается пренебрежительного отзыва неизвестного французского мидовца, отправленного председателю Беранже, в нём не было ничего удивительного, так как маршал умел «шифроваться» так, что даже многие из его соратников и видных чиновников в Варшаве ни о чём не догадывались¹⁵. В то же время из изложенной выше информации среди прочего нам стало известно о специальной опеке над польско-германскими отношениями, порученной фюрером командующему люфтваффе Герингу, и о переданном через Липского чувстве удовлетворения этим фактом со стороны министра Бека; специальной опеке над двусторонними отношениями со стороны военного человека – маршала Геринга, в отношении которой глава польского МИДа Бек выражает через посланника Липского чувство удовлетворения. Другими словами, официальное лицо № 1 Польши в Германии, которым являлся посланник Липский, опекается военным человеком, командующим люфтваффе Германом Герингом в контексте грядущего на тот момент совместного польско-германского «воздушного пакта», зародившегося с лёгкой руки Гитлера в недрах чертога папского нунция Цезаря Орсениго. Что это, как не наглядное подтверждение 2-й и 6-й статей рассматриваемого нами договора?

Кроме того, следует иметь в виду сходство декларации от 26 января и данного договора касательно их скрытого, т.е. сокровенного, если угодно, иезуитского содержания. Как известно, декларация имела основу для сокровенных совместных польско-германских намерений, предполагающих свою реализацию на Востоке, в рамках американской международно-правовой платформы, т.е. пакта Бриана – Келлога. Так и польско-германский договор от 25 февраля являлся прямым продолжением, если угодно, конкретизацией изложенной в декларации основы, но на перевернуто-скрытый – иезуитский – манер.

На первый взгляд, это договор между двумя партнёрами о тесном политическом сотрудничестве в мирное время, который автоматически превращается в военно-политический союз при форс-мажорных обстоятельствах. Однако при более пристальном изучении становится ясно, что он мог быть своеобразным графиком предстоящих совместных действий, прямо зависящих от грядущей активности третьей стороны. В соответствии с вышеприведённым текстом данный стратегический замысел должен был проводиться в три этапа. Предполагалось, что действия на первом этапе происходили бы в мирное время и заключались в тесном сотрудничестве и взаимодействии по внешнеполитическим вопросам, исключая всякую самостоятельность с польской стороны. Этот этап совпадал с 1-й и 2-й статьями договора.

Второй этап предполагал совместные действия в условиях, когда, согласно статье 3, могли произойти события, угрожавшие статус-кво, например, нападение Японии на СССР или «восстание» населения на его западных границах. В этом случае «высокие договаривающиеся стороны снеслись бы друг с другом, чтобы договориться о мерах, которые они сочли бы полезным предпринять». Объединив свои военные и экономические силы для отражения неспровоцированного нападения (указание на это было призвано на всякий случай засвидетельствовать оборонительный характер создававшегося союза), «высокие договаривающиеся стороны» оказали бы друг другу поддержку: германским войскам разрешалось без каких-либо помех пройти по польской территории для нанесения удара по западным и северо-западным территориям СССР. Военные действия этого немирного этапа на территории Литвы и Советской Украины завершила бы статья 6 договора, в соответствии с которой Германия гарантировала всеми средствами нерушимость новых польских границ.

Затем вновь наступил бы мирный этап, соответствующий 7-й статье договора. Её можно интерпретировать как переход к мерам по переключке карты Европы – речь могла идти о том, что Данциг отходил бы Германии, а Украина – Польше. По всей видимости, освоение новых территорий создало бы новые экономические и военно-политические условия для нацистов и их польских партнеров и потребовало усиления «эффективности их общих оборонительных средств». Данная статья, кстати, определённым образом перекликалась с 5-м и 6-м абзацами декларации от 26 января, намекая на грядущую пользу от взаимной дружбы вне территории Европы в будущем.

Тем не менее следует иметь в виду, что рассматриваемая нами публикация в «Экуте-муа», сопровождаемая комментарием парижского МИДа для председателя сенатской комиссии по иностранным делам А. Беранже от 4 апреля 1935 г., тогда лишь привлекла внимание

определённой части французских правящих кругов, не склонных придавать ей серьёзного значения. Только через две недели, когда его повторно опубликует «Бурбоннэ републикен», а через два дня – 20 апреля (в день рождения фюрера) – разместят на первых страницах центральные советские газеты «Правда» и «Известия» (а последняя была, как известно, печатным органом Верховного Совета), отношение к данному документу изменится кардинальным образом. Изменится настолько, что французские правящие круги сочтут необходимым обезопасить себя от грядущего тайно подготавливаемого на иезуитский манер возвышения Польши (а значит, ущемления великодержавного статуса Франции) путём заключения в течение мая 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи, что означало частичную реализацию негативного пророчества официальной «Газеты польской» от 4 января 1935 г. о «тройственном франко-советско-чехословацком союзе»¹⁶. Посредством этих двух международно-правовых документов будет создана *система малой коллективной безопасности*, которая сделает невозможным соблюдение устной польско-германо-японской договорённости касательно нападения Германии и Польши на западные границы СССР после атаки Японии на советский Дальний Восток.

Что же касается русинов, то их черед быть вовлечёнными во внешнеполитические планы режима «санации» наступит позднее, когда осенью 1938 г. II Управление Главного штаба Войска Польского (так называемая двойка) во взаимодействии с венгерскими коллегами предпримут попытку посредством операции «Лом», проведённой диверсионными подразделениями, установить общую польско-венгерскую границу в Подкарпатской Руси, чтобы создать так называемый нейтральный блок – интермариум. А для этого «санационным» стратегам было необходимо обязательно завладеть Ясинской железной дорогой. Однако гитлеровский Берлин, сделавший к тому времени свою ставку на сотрудничество с Будапештом, Варшаве этого не позволит – формально польско-венгерская граница установлена будет, но без Ясинской железной дороги, и русины Подкарпатской Руси будут переданы из чехословацкой в венгерскую юрисдикцию.

Примечания

1. Германский канцлер был настолько измучен беспощадным натиском со стороны польского вождя, что иногда срывался и позволял себе в общении с непольскими дипломатами нелестные метафоры относительно Польши. В частности, советский полпред во Франции В.С. Довгалевский в своём донесении 3 декабря 1933 г. проинформировал НКВД СССР о телефонной беседе с главой

МИД Ж. Поль-Бонкуром. Тот, внимательно перечитав запись посла в Берлине А. Франсуа-Понсе, увидел в ней одну коротенькую фразу, в которой Гитлер «в туманной и малопонятной форме упомянул о государстве-тампоне на востоке Европы». Бонкур поручил послу в Варшаве Ж. Лярошу узнать у министра Бека, не говорилось ли чего-нибудь подобного во время польско-германских переговоров. Тот ответил отрицательно. На вопрос же Ляроша, что именно мог Гитлер подразумевать под «государством-тампоном» в беседе с Франсуа-Понсе, Бек ответил: «Вероятно, Гитлер имел в виду Польшу» [8: 700].

2. Не исключено, что приводимый М. Згурняком факт третьей угрозы применения превентивной войны со стороны польского вождя, имевшей место в декабре, был вызван стремлением фюрера избежать оформления отношений ненавистной ему инициативы на дипломатическом уровне, ограничившись заявлением в агентстве Вольфа. Маршалу, у которого, как получается, была заготовлена «многосоходочка», естественно это не могло понравиться, и он, убрав на время пряник, извлёк на свет кнут.

3. В отечественной историографии данный документ было принято называть не иначе как «пакт Липский-Нейрат» или «Декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией».

4. Первоначальный двусторонний проект был составлен совместно с юристом Салмоном Левинсоном и поддержан сенатором Уильямом Э. Борахом. Многосторонним он стал благодаря Уильяму Ричардсу Каслу-младшему, которому удалось преодолеть французские возражения посредством переговоров с французским послом Полем Клоделем [33: 132–264; 36: 114].

5. В частности, в педалировании данной темы отметились «L'Echo de Paris» и «Le Populaire» [2: 18–19; 16: 40].

6. Речь идет о политической инициативе западноевропейских держав, обнародованной в середине марта 1933 г. и предполагавшей создание так называемого директората в составе Англии, Франции, Италии и Германии, который выступал бы в роли вершителя политических судеб Европы. Среди прочего этот проект был рассчитан на то, чтобы в рамках Версальско-Локарнской системы произвести на основе 19-й статьи Устава Лиги наций ревизию-приращение восточных границ Германии мирным путём за счёт Польши или Чехословакии и подтолкнуть тем самым Германию к агрессии на Восток [16: 40].

7. В частности, американский посол в Москве В. Буллит писал в июле 1934 г. государственному секретарю К. Хэллу, что Пилсудский отказывается участвовать в Восточном пакте, поскольку ожидает советско-японскую войну и хочет оставить для себя на Востоке свободу

действий, чтобы «воссоздать там прежнее величие Польши» [34: 504].

8. Послу Додду сроки предполагаемой агрессии назвал Буллит. Сталину же из кругов, близких к Чан Кайши, поступала информация о том, что Япония собиралась начать бомбардировки Владивостока ещё в июне-июле 1934 г. [6: 464; 16: 47; 24: 24].

9. Это соглашение, подписанное министрами иностранных дел Франции и Англии – П. Лавалем и Д. Саймоном, предусматривало расширение в рамках Локарно сотрудничества в воздушной области при условии возвращения Германии в Лигу наций. Гитлер возвращаться в Лигу не собирался и намеревался реализовать авиационное сотрудничество с Варшавой в «восточном направлении».

10. Особняк в Варшаве, расположенный на улице Вежбовая, где находилось Министерство иностранных дел Польши.

11. 1932 г. указан ошибочно, имеется в виду польско-германская декларация о необращении к силе от 26 января 1934 г.

12. Юзеф Липский на тот момент (25 февраля 1934 г.) пребывал в должности посланника.

13. В русском переводе слова «свои военные усилия» использованы строчные буквы, а во французском тексте – прописные.

14. В аннотации указано, что письмо – подлинник, а договор – копия. Оба документа на французском языке, перевод с французского языка был сделан Л.И. Кудрявцевой.

15. Так, 12 апреля 1934 г. на секретном совещании в Генеральном инспекторате ВС Пилсудский разыграл целое представление, потребовав под страхом увольнения от присутствовавших генералов Соснковского, Рыдза-Смиглого, Каспшицкого, Фабрицы, Осиньского, Гонсёровского, Конажевского, министра Бека, его зама Шембека, а также полковников – Глабиша, Варты и Венды ответа в письменном виде на вопрос: «Которое из двух государств – Россия или Германия – несёт бóльшую опасность для Польши и скорее может стать опасным?» Он освободил от необходимости дать письменный ответ только Бека [31: 18].

16. 4 января 1935 г. ТАСС сообщало из Варшавы, что московский корреспондент «Газеты польской», характеризуя внешнюю политику СССР за 1934 г., писал, что она «зашла в тупик», из которого существует два выхода: либо почётное отступление на линию пактов о ненападении, либо тройственный франко-советско-чехословацкий союз, «ценность которого весьма сомнительна» [4: 11–12]. Учитывая тот факт, что создание *системы малой коллективной безопасности* фактически предотвратило развязывание антисоветской агрессии в 1935 г., в которой была заготовлена роль и для Польши, для последней ценность её действительно носила однозначно негативный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 15.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 027. Оп. 29. Пор. 21. Пап. 309.
3. Буккер И. Парижский договор, который не смог предотвратить Вторую мировую войну // Pravda.ru. 27.08.2015. URL: https://www.pravda.ru/world/1272425-briand_kellogg/ (дата обращения: 18.05.2025).
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 42.
5. Гудок.
6. Дневник посла Додда. 1933–1938. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1961. 570 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. XI. М.: Госполитиздат, 1966. 793 с.
8. Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М.: Госполитиздат, 1970. 920 с.
9. Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М.: Госполитиздат, 1971. 880 с.
10. Известия.
11. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. Т. III. М.; Л.: Госполитиздат, 1945. 884 с.
12. Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1977. 293 с.
13. Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933–1935) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 70–78. URL: http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=1485
14. Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. Декабрь. С. 138–145. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1500
15. Морозов С.В. К вопросу о несостоявшейся превентивной войне маршала Пилсудского против Германии в 1933 г. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 160–169. doi: 10.17223/15617793/471/19
16. Морозов С.В. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 г. // Славяноведение. 2005. № 5. С. 35–53.
17. Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. Ноябрь. С. 84–89.
18. Морозов С.В. Как маршал Пилсудский и его последователи пытались восстановить «былое величие» Польши. М.: Междунар. отношения, 2023. 416 с.
19. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 528 с.

20. НА ИРИ РАН. 1934. Ф. Д-19, 1-а.
21. НА ИРИ РАН. Ф. 18-Ж. Д. 39.
22. Последние новости.
23. Правда.
24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187.
25. Российский государственный военный архив. Ф. 1701к. Оп. 1. Д. 57.
26. Сборник документов по международной политике и по международному праву. Вып. X. М., 1936.
27. Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Типография Комиссариата по иностранным делам, Дворцовая 6. № 1–7. Декабрь 1917–Февраль 1918.
28. *Chad M. Kahl*. International Relations, International Security, and Comparative Politics: A Guide to Reference and Information Sources. Westport (Connecticut): Libraries unlimited, 2008. 440 p.
29. *Colvin I. Vansittart* in Office. An historical Survey of the Origins of the Second World War based on the papers of Sir Robert Vansittart. London: Victor Gollancz Ltd, 1965. 360 p.
30. Diariusz i teki Jana Szembeka. Opr. *J. Zarański*. Londyn: Instytut Polski i Museum im. Gen. Sikorskiego, 1964. T. I. XXIII, 590 s.
31. Dziennik Szembeka. Dokument polityki sanacyjnej przełożył i opracował *Zygmunt Kałużyński*. W.: Książka i wiedza, 1954. 112 s.
32. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. № 16. 28.II.1926.
33. *Ferrell Robert H.* Peace In Their Time The Origins Of The Kellogg Briand Pact. New Haven: Yale University Press, 1952. 316 p.
34. Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. I. Washington: US Government Printing Office, 1951. XCVI, 1031 p.
35. Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. II. Washington: US Government Printing Office, 1951. XCV, 1002 p.
36. *Hathaway Oona A., Shapiro Scott J.* The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World. New York: Simon & Schuster, 2017. 608 p.
37. *Ickes H.L.* The Secret Diaries of Harold L. Ickes. New York: Simon and Schuster, 1953. 738 p.
38. *Josephson H.* Outlawing War: Internationalism and the Pact of Paris // Diplomatic History. 1979. № 3 (4). P. 377–390. doi: 10.1111/j.1467-7709.1979.tb00323.x
39. *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. Washington: National Defense University Press, 1996. 213 p.
40. *Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII, № 4. P. 421–444.
41. *Teichova A.* An Economic Background to Munich. International business

and Czechoslovakia 1918–1938. London; New York: Cambridge University Press, 1974. XIX, 422 p.

42. *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań: Instytut Zachodni, 1965. 571 s.

REFERENCES

1. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 15.
2. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 027. List 29. № 21. File 309.
3. Booker, I. (2015) Parizhskiy dogovor, kotoryy ne smog predotvratit' Vtoruyu mirovuyu voynu [The Paris Treaty That Could Not Prevent the Second World War]. *Pravda.ru*. 27th August. [Online] Available from: https://www.pravda.ru/world/1272425-briand_kellogg/ (Accessed: 18th May 2025).
4. The State Archive of the Russian Federation. Fund 4459. List 28/2. File 42.
5. *Gudok*. (n.d.)
6. Dodd, W. (1961) *Dnevnik posla Dodda. 1933–1938* [Ambassador Dodd's Diary. 1933–1938]. Translated from English. Moscow: Izd-vo sots.ekonom. lit.
7. *USSR. (1966) Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. Vol. XI. Moscow: Gospolitizdat.
8. *USSR. (1970) Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. Vol. XVI. Moscow: Gospolitizdat.
9. *USSR. (1971) Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. (1971) Vol. XVII. Moscow: Gospolitizdat.
10. *Izvestiya*. (n.d.)
11. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. III. Moscow; Leningrad: Gospolitizdat.
12. Mikhutina, I.V. (1977) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya. 1931–1935* [Soviet-Polish Relations. 1931–1935]. Moscow: Nauka.
13. Morozov, S.V. (2016a) To the question of military-political cooperation between Poland and Germany against the USSR (1933–1935). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(44). pp. 70–78. doi: 10.17223/19988613/44/10
14. Morozov, S.V. (2016b) On Military-Political Cooperation between Poland and Japan Against the Soviet Union (1931–1935). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 138–145. doi: 10.17223/15617793/413/21
15. Morozov, S.V. (2021) On the Failed Preventive War of Marshal Pilsudski Against Germany in 1933. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 160–169. doi: 10.17223/15617793/471/19
16. Morozov, S.V. (2005) K voprosu o sekretnom pol'sko-germskom do-

govore 1934 g. [On the the Secret Polish-German Treaty of 1934]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 35–53.

17. Morozov, S.V. (2016) On the creation of a legal mechanism for “pushing” Germany to the East in 1925. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 84–89. doi: 10.17223/15617793/412/14

18. Morozov, S.V. (2023) *Kak marshal Pilsudskiy i ego posledovateli pytalis' vosstanavlivat' "byloe velichie" Pol'shi* [How Marshal Pilsudski and His Followers Tried to Restore the “Former Greatness” of Poland]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

19. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryalos' za politikoy "ravnoudalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak Relations. 1933–1939. What Was Hidden Behind the Policy of “Equidistance” of Minister J. Beck]. Moscow: MSU.

20. The Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund D-19, 1-a.

21. The Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 18-Zh. File 39.

22. *Poslednie novosti*. (n.d.)

23. *Pravda*. (n.d.)

24. The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. List 11. File 187.

25. The Russian State Military Archive. Fund 1701k. List 1. File 57.

26. Anon. (1936) *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoy politike i po mezhdunarodnomu pravu* [Collected Documents on International Politics and International Law]. Vol. X. Moscow: [s.n.].

27. Anon. (1917–1918) *Sbornik sekretnykh dokumentov iz arkhiva byvshego Ministerstva inostrannykh del* [Collection of Secret Documents from the Archive of the Former Ministry of Foreign Affairs]. № 1–7. December 1917 – February 1918. St. Petersburg: Commissariat for Foreign Affairs.

28. Kahl, Ch.M. (2008) *International Relations, International Security, and Comparative Politics: A Guide to Reference and Information Sources*. Westport (Connecticut): Libraries unlimited.

29. Colvin, I. (1965) *Vansittart in Office. An Historical Survey of the Origins of the Second World War Based on the Papers of Sir Robert Vansittart*. London: Victor Gollancz Ltd.

30. Szembek, J. (1964) *Diariusz i teki Jana Szembeka*. Oprac. J. Zaráński. Vol. I. Londyn: Instytut Polski i Museum im. Gen. Sikorskiego.

31. Szembek, J. (1954) *Dziennik Szembeka. Dokument polityki sanacyjnej*. Przełożył i opracował Zygmunt Kałużyński. Warszawa: Książka i wiedza.

32. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. (1926). 28th February.

33. Ferrell, R.H. (1952) *Peace in Their Time: The Origins of the Kellogg-Briand Pact*. New Haven: Yale University Press.

34. USA. (1951a) *Foreign Relations of the United States. 1934*. Vol. I. Washington: US Government Printing Office.

35. USA. (1951b) *Foreign Relations of the United States. 1934*. Vol. II. Washington: US Government Printing Office.

36. Hathaway, O.A. & Shapiro, S.J. (2017) *The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World*. New York: Simon & Schuster.

37. Ickes, H.L. (1953) *The Secret Diaries of Harold L. Ickes*. New York: Simon and Schuster.

38. Josephson, H. (1979) Outlawing War: Internationalism and the Pact of Paris. *Diplomatic History*. 3(4). pp. 377–390.

39. Mackinder, H.J. (1996) *Democratic Ideals and Reality*. Washington: National Defense University Press.

40. Mackinder, H.J. (1904) The Geographical Pivot of History. *Geographical Journal*. XXIII(4). pp. 421–444.

41. Teichova, A. (1974) *An Economic Background to Munich. International Business and Czechoslovakia 1918–1938*. London; New York: Cambridge University Press.

42. Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938*. Poznań: Instytut Zachodni.

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: morozov_s@bsuedu.ru